

Отзыв официального оппонента, члена-корреспондента РАН, доктора исторических наук И.В. Тункиной на диссертацию Чемодурова Николая Николаевича «П.Н. Шульц и становление академического центра археологии в Крыму», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. – археология в диссертационный совет 24.2.318.04, созданный на базе ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В последние три десятилетия в различных научных центрах постсоветского пространства сложились группы исследователей, которые целенаправленно избрали предметом своих изысканий историю археологии. Сравнительно недавно к ним присоединился диссертант — Н.Н. Чемодуров. Институционализация истории науки как самостоятельной субдисциплины отечественной археологии способствовала не только активному приращению фактов прошлого опыта науки на основе анализа архивных первоисточников и предшествующей историографии, но и серьезного переосмысления трансформации научного знания, включая разрушение кочующих из публикации в публикацию историографических штампов. Если история Императорской Археологической комиссии-РАИМК-ГАИМК-ИИМК-ЛО ИИМК-ЛОИА АН СССР в Санкт-Петербурге-Петрограде-Ленинграде достаточно полно изучена, менее известна история ИИМК-ИА АН СССР/РАН в Москве, то предыстория создания современного Института археологии Крыма РАН в Симферополе впервые в отечественной историографии получила адекватное освещение в публикациях Н.Н. Чемодурова, хранителя Научного архива этого института.

Диссертант изучил предпосылки создания и показал особенности институциональной организации академического археологического центра в Тавриде в контексте аналогичных процессов в советском научном строительстве 1920-х–1940-х гг. Исследование Н.Н. Чемодурова вносит важный вклад в понимание путей развития не только крымской, но и всей

отечественной археологической науки в советское время. Через призму впервые вводимых в научный оборот документов автор фокусирует внимание на личности Павла Николаевича Шульца, ставшего основоположником первого академического археологического центра в Тавриде. Именно архивные материалы позволили реконструировать этапы биографии, научную и научно-организационную деятельность ученого в 1920-х–1950-х гг., его участие в создании и определении тематики исследований Крымской научно-исследовательской базы Академии наук в области археологии. Главная заслуга Н.Н. Чемодурова состоит в том, что на основе анализа документальных источников он сумел воссоздать полноценную картину событий. Именно в этом состоит *актуальность* и *научная новизна* рецензируемого диссертационного исследования. Таким образом, используя антропологический подход к изучению материала, диссертант реконструирует не только институциональную, но и вносит вклад в когнитивную историю археологии Крыма.

Структура работы выглядит обоснованной и продуманной. Основная часть включает введение, четыре хорошо структурированные главы, заключение, научный аппарат и приложения.

Во введении (с. 4–23) убедительно обоснована актуальность выбранной темы, объект и предмет исследования, конкретизированы цели и задачи, территориальные и хронологические рамки диссертации (начало 1920-х–1956 г.). Автором проведен анализ предшествующей историографии по теме работы, охарактеризована источниковая база диссертации, обоснованы степень научной новизны, теоретическая и практическая значимость, раскрыт *методологический инструментарий* исследования, который возражений не вызывает. Диссертант вынес на защиту восемь положений с главными выводами исследования. *Апробация* результатов работы проведена в 2022–2025 гг.: Н.Н. Чемодуров активно участвовал с докладами в научных форумах по истории науки международного, всероссийского и регионального уровней, а в его публикациях введены в научный оборот новые материалы по истории

археологии Крыма советской эпохи. Он один из авторов первой коллективной монографии, посвященной 75-летию Института археологии Крыма РАН (2023), третьего по времени создания академического института археологического профиля в нашей стране.

Первая глава «П.Н. Шульц — представитель первого поколения советских археологов» включает три параграфа (с. 24–64). «О первых четырех десятилетиях его биографии известно очень немногое», — справедливо заключает диссертант (с. 5), которому по документам удалось реконструировать биографию ученого в 1920-х-1950-х гг. Глава представляет собой детальное исследование, посвященное становлению П.Н. Шульца как ученого — сначала как искусствоведа, затем полевого археолога. Автор преимущественно на основе анализа архивных документов рассматривает жизненный путь и профессиональное развитие первого поколения советских археологов на фоне масштабных институциональных преобразований 1920-х–1930-х годов. Диссертант умело вплетает страницы биографии П.Н. Шульца в контекст анализа трансформации вузовских и научных институций в первые десятилетия советской власти. Благодаря обширной источниковой базе, включающей архивные документы как личных фондов, так и официальную документацию учреждений, Н.Н. Чемодурову удалось проследить влияние революционных событий, образовательных реформ и идеологического контроля на формирование профессиональной карьеры ученого.

Вторая глава (с. 65–110) «Предпосылки организации академического центра археологии в Крыму в 1920-1930-е гг.» анализирует безуспешные попытки создания научного центра по инициативам РАИМК/ГАИМК, Академии наук СССР и музейных учреждений Тавриды. Н.Н. Чемодуров демонстрирует, как предложения столичных и провинциальных научных структур повлияли на возможность организации крымского научного центра в контексте государственной научной и музейной политики. Через документы учреждений, научное и эпистолярное наследие отдельных ученых (Л.А. Моисеев, К.Э. Гриневич, Ю.Ю. Марти, Г.Д. Белов, С.В. Бахрушин) автор

попытался показать бедственное положение Керченского и Херсонесского музеев, поиски путей выхода из сложившейся ситуации, негативную роль Наркомпроса в судьбе крымской археологии и музейного строительства в 1920-х–1930-х гг., механизмы принятия организационных и научных решений, осветил подробности нереализованных идей создания археологических станций РАИМК в Керчи и Севастополе, создание первых учреждений АН СССР в Крыму, на конкретных примерах показал усиление конкуренции между московским и ленинградским научными центрами.

Третья глава «От археологической базы ИИМК к Крымской научно-исследовательской базе АН СССР» (с. 111–141) охватывает период от послевоенных инициатив ИИМК до создания Крымской научно-исследовательской базы АН СССР в 1947 году. Центральное место в главе занимает реконструкция биографии и демонстрация роли П.Н. Шульца как координатора процесса ее создания (в Академии наук не были официально подтверждены его полномочия). Особое внимание автор диссертации уделяет завершению профессионального становления ученого — защите кандидатской диссертации, посвященной скульптурным портретам скифских царей, найденным случайно при ломке камня и при раскопках городища Керменчик (Неаполя Скифского) в 1827 г., а также созданию и исследованиям Тавро-скифской экспедиции во главе с П.Н. Шульцем. Анализ архивных первоисточников позволяет воссоздать многогранную картину взаимодействия научной среды, власти и общества, приведшие к созданию Крымской базы АН СССР.

Четвертая глава «Становление академического центра археологии в Крыму» (с. 142–212) представляет детальный анализ первого десятилетия работы академического центра археологии в Крыму по неопубликованным архивным первоисточникам. Исследование охватывает процессы создания и трансформации Крымской базы/филиала АН СССР с 1947 по 1956 годы, нереализованные проекты создания Института истории и археологии (1949–1953), ликвидации Крымского филиала (1956), включение Отдела истории и

археологии в систему учреждений АН УССР (1954–1956) и реорганизации его в Отдел античной и средневековой археологии Института археологии АН УССР (1956), который П.Н. Шульц возглавлял вплоть до 1966 г.

Автор реконструирует историю полевой и кабинетной работы Сектора/Отдела истории и археологии Крымской научно-исследовательской базы/филиала АН СССР через призму деятельности не только её руководителей, но и рядовых сотрудников, анализирует тематику исследований, демонстрирует трудности издательской деятельности, устаревшую и плохо оборудованную инфраструктуру из-за недостаточного уровня финансирования, акцентируя внимание на том, что большую часть экспедиционных расходов несли учреждения-партнеры (ИИМК АН СССР, ГМИИ им. А.С. Пушкина и др., с. 160). Н.Н. Чемодуров справедливо заключает, что «многие наработки археологов не находили отражения в печати, а окончание ряда изданий переносилось из года в год» (с. 151). Отсутствие публикаций стало следствием укрупнения тематики («гигантомании») и распыления сил на раскопки множества памятников: «действительные достижения не коррелировали с масштабностью замыслов» (с. 190, 193, 197), причем «издательские возможности Крымского филиала... оставались ограниченными» (с. 198). Как показал диссертант, Сектор/Отдел истории и археологии много внимания уделял просветительской деятельности и спасению памятников истории и культуры в тяжелейший послевоенный период, в их числе им были приняты меры по обследованию разрушений фресковой живописи в уникальном склепе Деметры в Керчи.

Н.Н. Чемодуров справедливо отмечает необходимость дальнейшего изучения периода функционирования учреждения в системе АН УССР/НАН Украины с привлечением архивных материалов, хранящихся в архивах НАНУ в Киеве.

В заключении (с. 213–218) диссертантом подведены итоги исследования: анализ документации показывает, что процесс создания региональной академической научной базы в Крыму «охватывал

последовательную смену институциональных моделей и проектов — от довоенных замыслов создания стационарных археологических станций в Керчи и Херсонесе до послевоенной научно-исследовательской базы Академии наук и ее дальнейшей трансформации» (с. 213). Н.Н. Чемодурову удалось убедительно доказать, что исследовательский интерес кандидата наук П.Н. Шульца определил его активное участие в институциональном оформлении крымского академического центра археологии в послевоенное время в структуре междисциплинарной базы/филиала АН СССР (1947) в Тавриде.

Научный аппарат диссертации включает список сокращений, список опубликованных № 1-39 (с. 222-226) и архивных № 40-167 (с. 226-235) источников, библиографию № 168–282 (с. 235-260), а также приложений в виде публикуемых архивных документов (с. 261–360) и иллюстраций (с. 361-387).

Отечественную археологию можно поздравить с появлением полноценного, самостоятельного и законченного научного исследования на актуальную тему, основанного на анализе комплекса источников, прежде всего на неизвестных ранее архивных документах. Из диссертации, при соответствующей доработке, получится как минимум две монографии. Первая — научная биография замечательного исследователя Крыма Павла Николаевича Шульца, но текст необходимо дополнить реконструкцией его дореволюционного периода жизни и последних десятилетий, начиная с 1956 г., возвращением в Ленинград и службой в ЛОИА АН СССР (1966–1974) вплоть до смерти ученого. Вторая книга — становление академического центра археологии в Крыму в 1920-х–1956 гг., рукопись которой практически готова.

Сильной стороной диссертационного исследования Н.Н. Чемодурова является опора на документальные источники и скрупулезный анализ рассматриваемых вопросов. Но, как и к любому серьезному исследованию, к

тексту диссертации можно высказать и ряд серьезных замечаний и предложений.

Прежде всего, вопрос вызывает дата рождения П.Н. Шульца, многими специалистами (включая диссертанта, см. с. 25) относимыми к 1901 году, хотя в документах и публикациях встречаются 1899 и 1900 гг. На могильной плите Волковского кладбища, где похоронен П.Н. Шульц, указаны даты жизни: 22 октября 1901 г. — 20 сентября 1983 г., а в справочнике «Наука и научные работники СССР. Ч. 5: Научные работники Ленинграда: с приложением перечня научных учреждений Ленинграда. Л., 1934. С. 401 — 9 октября 1900 г. (домашний адрес: Володарского (бывш. Адмиралтейская в Колпино) д. 28, кв. 1). В XX веке разница между «старым» (юлианским) и «новым» (григорианским) календарем составляла 13 дней, соответственно, но новому стилю день рождения П.Н. Шульца выпадает на 22 октября. Год рождения можно установить по метрическим документам или формулярным спискам отца. В процессе дальнейших архивных изысканий диссертант может найти точную дату рождения и крещения по записям в метрической книге «о родившихся» в ЦГИА СПб (через интернет-портал Архивы Санкт-Петербурга), используя доступные в сети адресные книги Санкт-Петербурга 1899-1901 гг., где указан адрес проживания родителей — Кирочная, 38 (на 1901 г.), Мытнинская, 8 (на 1910 г.), Таврическая, 45 (на 1917 г.), их вероисповедание (православные, лютеране и пр.), либо, если он родился не в Петербурге (как писал в анкетах), а в имении деда Петровское Ржевского уезда Тверской губ. — в Государственном архиве Тверской области (ГАТО). Сегодня это вполне решаемая задача. Если обратиться к формулярным спискам его отца Николая Павловича фон Шульца, первоначально служившего по ведомству Министерства народного просвещения (фонд 733 в РГИА, фонд Петербургского университета в ЦГИА СПб), затем преподававшего в Институте императрицы Марии Ведомства учреждений императрицы Марии (ЦГИА СПб. Ф. 414. Оп. 2. Д. 536. Личное дело Н.П. фон

Шульца) и др., можно установить последовательные даты рождения его детей, в том числе точный год рождения Павла Николаевича.

Буквально два абзаца текста диссертации посвящено деду и родителям П.Н. Шульца, но читателю хотелось бы получить более подробную информацию о его семье. Дед, Павел Антонович фон Шульц (Schulz; 1831-1905), выходец из прибалтийских немцев, выпускник Александровского лицея, служил директором 2-го департамента Министерства государственных имуществ (с 1865), был сенатором (1882), стал действительным тайным советником (1894), т.е. обладал чином второго класса табели о рангах (в 1903 г. на всю Российскую империю таковых насчитывалось менее сотни человек, в том числе с 1904 г. отец акад. М.И. Ростовцева Иван Яковлевич, попечитель Оренбургского учебного округа), являлся владельцем имения Петровское в 7 верстах от Ржева. Отец Николай Павлович фон Шульц (14.8.1873–14.8.1942), избравший поприще педагога, дослужился лишь до чина надворного советника. Неудивительно, что их внук и сын в советское время всячески скрывал свое дворянское происхождение и опускал указательную приставку *фон* к фамилии Шульц.

В собственноручно заполненной анкете 1931 г. (СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 784. Л. 41-42 об.) П.Н. Шульц пишет, что ему 30 лет, жене 26, что он учился и закончил (1909–1918) Коммерческое училище Общества экспериментальной педагогики (здесь преподавал его отец), дававшее право поступления в университет. Петербургское мужское коммерческое училище А.П. Нечаева (о котором пишет диссертант на с. 27) — частное семиклассное учебное заведение. Однако из текста диссертации не ясно, какое конкретно училище закончил П.Н. Шульц, т.к. в заголовке документа (приложение 1) не указано точное название учебного заведения. Коммерческие курсы Общества экспериментальной педагогики располагались по современной ул. Жуковского, д. 59. В Петрограде по адресу Владимирский пр., д. 7 для лиц обоего пола работало восьмиклассное Коммерческое училище Общества экспериментальной педагогики, которое как директор возглавлял профессор

А.П. Нечаев (Весь Петроград на 1917 г. Пг., 1917 Слб. 601). Видимо, именно в нем в течение 9 лет учился П.Н. Шульц, но диссертант употребляет несуществующее название — Коммерческое учебное общество экспериментальной педагогики (с. 27).

Рассуждения Н.Н. Чемодурова о социальном происхождении, наличии личного или потомственного дворянства у коллег и учителей П.Н. Шульца (с. 29) требуют существенных уточнений. В дореволюционной России образование, особенно учёная степень, являлось одним из путей получения дворянства через государственную службу: с эпохи Николая I чиновники с 9 класса (титулярный советник) получали право на личное дворянство, а с 5-го класса (статский советник) — потомственного дворянства; преподаватели вузов, успешно защитившие докторские диссертации в университетах, автоматически получали чин 8-го класса и потомственное дворянство (включая перечисленных диссертантом академиков — сына крепостного-вольноотпущенника Н.П. Кондакова, выходца из купечества С.А. Жебелёва, членов-корреспондентов Д.В. Айналова, А.А. Васильева, Б.В. Фармаковского и многих других). Кстати, член-корреспондент АН СССР В.И. Равдоникас, родившийся в семье тихвинского фельдшера, прошел схожий путь в области образования — учился в Петербурге в частном реальном училище А.С. Черняева (1912-1914), затем в Михайловском артиллерийском училище и после Октября 1917 г. в Петроградском университете.

Во второй главе диссертант употребил неудачную формулировку: «К 1920 г. южнорусское направление работы бывшей ИАК оказалось практически лишено своих представителей. Единственным деятельным членом Комиссии являлся именно Л.А. Моисеев, фактически возглавивший ее после эмиграции последнего дореволюционной председателя А.А. Бобринского». РАИМК была создана в 1919 г. на базе ликвидированной Российской государственной археологической комиссии Наркомата просвещения РСФСР в Петрограде, и Л.А. Моисеев, являвшийся членом Императорской Археологической комиссии с 1905 г., но живший в Крыму и заведовавший

раскопками в Херсонесе (1915–1924) никак не мог возглавлять комиссию в Крыму. 20 июля 1918 г. граф А.А. Бобринский, получив официальную командировку на юг России, передал заведование делами комиссии старшему члену А.А. Спицину и уехал из Петрограда, не заезжая в Крым, через Киев и Одессу эмигрировал в Константинополь на французском пароходе (1919).

На с. 89 диссертации неверно названы две зарубежные институции, тесно связанные с РАН — «Российский институт в Константинополе и Российская палата в Риме» (последнего учреждения вообще не существовало). Речь идет о Русском археологическом институте в Константинополе (РАИК) во главе с акад. Ф.И. Успенским и ученом корреспонденте Отделения исторических наук и филологии РАН в Риме, члене-корреспонденте Е.Ф. Шмурло. В столице Италии самостоятельный русский научный институт так и не был создан.

На мой взгляд, совершенно излишним в тексте диссертации выглядит параграф диссертации «2.3.1. Первый периферийный академический институт: Кавказский историко-археологический институт». Автор опустил тот факт, что КИАИ в Тифлисе стал по времени создания первым научно-исследовательским институтом в системе РАН (1917), ряд других институтов в Петрограде открылись на базе академических комиссий только в 1918 г. В некоторых случаях автору следовало быть более осторожным в отдельных формулировках. Так, на с. 109 диссертант дает неверную дефиницию КИАИ как «первого регионального отделения Академии наук», но ни один институт как узкопрофильное специализированное учреждение не мог выполнять функции представительства всей РАН — впоследствии их стали выполнять региональные филиалы, базы, научные центры и отделения академии. Неудачным мне кажется неоднократно повторенное утверждение диссертанта об «инкорпорации» Академии наук «в систему государственной власти» (с. 110) в советский период — в отличие от западноевропейских академий, с момента основания Петром Великим Петербургской АН она изначально была государственным учреждением, получающим средства из государственного

бюджета, в XVIII в. подчинявшаяся напрямую императору, с 1803 г. Министерству народного просвещения-Наркомпросу РСФСР, затем Совнаркому СССР и Совету Министров СССР.

В третьей и четвертой главах автор диссертации, говоря о работе П.Н. Шульца в Москве, упорно называет Московское отделение ИИИМ названием института — ИИМК (с. 117). Как известно, из-за колоссальных потерь кадрового состава в годы блокады Ленинграда и на фронтах Великой Отечественной войны дирекция ИИМК была переведена в 1943 г. в Москву, в Ленинграде осталось отделение — ЛО ИИМК (с 1959 г. ЛОИА АН СССР). Но диссертант на с. 193, повествуя о событиях 1952 г., некорректно называет ИИМК Институтом археологии АН СССР (с. 193), хотя он получил современное название много позднее, в 1959 г.

Есть погрешности в оформлении библиографических ссылок. В список источников под названием «Опубликованные источники» почему-то включены изданные сборники документов и публикации героя диссертации П.Н. Шульца. Последние, вне сомнения, должны были быть включены в общий список библиографии. Самостоятельным разделом можно было вынести только сборники законодательных актов органов государственной власти, но не подзаконные акты или ведомственные постановления и др., включенные в сборники документов по истории АН СССР и АН УССР, как это сделано в диссертации. В списке литературы № 382 помещен не по алфавиту фамилий, а по имени автора.

В тексте диссертации и приложениях архивные документы должны публиковаться по общепринятым правилам издания исторических документов, в соответствии с современной орфографией и пунктуацией (с. 261-287) и с раскрытием очевидных сокращений, но они опубликованы без всяких изменений в соответствии с текстом оригинала, пестрящими прописными буквами, затрудняющими чтение. Документ № 1 приведен по дореволюционной орфографии. Все публикуемые в приложении документы зачем-то закавычены. Заголовки документов слишком кратки, из них зачастую

непонятно, кто автор текста и к кому конкретно обращена записка или отношение; отсутствует датировка документов, обязательная в заголовках; в конце заголовка точка не ставится. У публикуемых документов, нередко расположенных с перепутанной хронологией, везде отсутствует легенда (архивный шифр в диссертации указан в списке источников, а не под каждым документом, как это положено по правилам публикаций исторических источников), опущен способ воспроизведения (автограф, машинопись, авторизованная машинопись), номинал документа, его подлинность или копияность (к примеру, делопроизводственный машинописный отпуск), слишком кратки или отсутствуют научные комментарии. Не все сокращения, встречающиеся в документах, раскрыты в списке сокращений. Непонятно, почему постскрипту в письме Шульца (Приложение № 30) передан курсивом — так обычно выделяются авторские подчеркивания, что объясняется в археографическом предисловии к публикации, которое в диссертации отсутствует. В приложении № 36 объединены четыре документа с собственной вторичной нумерацией, что разрывает хронологическую логику повествования.

В отдельное приложение необходимо было вынести №№ 15, 27 с перечнем структуры филиалов и баз АН СССР, реконструируемых диссертантом не по официальным опубликованным отчетам и ежегодным справочникам АН СССР, а по современной историко-научной литературе. Излишним, на мой взгляд, выглядит включение в приложение № 13 (с. 281-282) — письмо к председателю РАИМК-ГАИМК Н.Я. Марру, повествующее о трудностях бытового функционирования Кавказского историко-археологического в Тифлисе.

На с. 265 вместо «Дельфийская возница» должно быть Дельфийский возничий — древнегреческая бронзовая скульптура 478–474 гг. до н.э. из Дельфийского святилища Аполлона, найденная в 1896 г. (Дельфийский археологический музей). На с. 266 — неверно прочитано в документе: «по

Эгейскому искусству под руководством М.И. Максимова», правильно – М.И. Максимовой.

Высказанные замечания не меняют общую положительную оценку диссертационного исследования Н.Н. Чемодурова, проделавшего огромную работу по сбору и анализу источников. В целом работа написана хорошим языком, но требует вычитки с точки зрения описок, пунктуационных и стилистических ошибок.

Автореферат полностью отражает содержание и структуру диссертационной работы. Основные положения диссертации изложены автором в 19 публикациях, из них 4 статьи из перечня ВАК. Рецензируемая диссертация Николая Николаевича Чемодурова удовлетворяет всем современным требованиям, установленным ВАК по отношению к кандидатским диссертациям, а автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 — археология.

12 мая 2026 г.

Тункина Ирина Владимировна,

член-корреспондент РАН, доктор исторических наук,

директор Санкт-Петербургского филиала ФГБН
Архива РАН

196084 Санкт-Петербург, Киевская ул., д. 5, корп. 9,
стр. 1

e-mail: tunkina@yandex.ru

Подпись И.В. Тункиной
Зем. реферат на научной работе
И.В. Тункина
12.05.2026.

